

Социальные представления о феномене предательства: анализ структуры и содержания в разных возрастных группах

С. Д. Гуриева¹, Я. Е. Виноградова²

¹доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии,
Санкт-Петербургский государственный университет.

Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-4305-432X. E-mail: s.gurieva@spbu.ru

²аспирант кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-6358-4432. E-mail: yana.e.vinogradova@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ исследований феномена предательства в современной психологии. Во второй части представлены результаты изучения структуры представления о феномене предательства респондентов разных возрастных групп. Актуальность исследования феномена предательства в социальных представлениях разных возрастных групп заключается в идентификации и холистическом анализе организации совладающего поведения с негативными социальными ситуациями.

Содержательный анализ представлений о феномене раскрывает суть феномена предательства, показывает его значение в организации социального взаимодействия. Представления респондентов разных групп отличаются реализуемым в ситуации предательства поведением.

В исследовании изучается связь социальных представлений о феномене предательства и поведения в ситуации. Выделена функция социальных представлений в организации совладающего поведения.

В статье представлены методы, применяемые в подходе для исследования социальных представлений. Описаны особенности структуры социальных представлений о феномене предательства представителей разных возрастных групп. Представлены результаты сравнительного анализа количественных показателей социальных представлений. Выделены основные стратегии совладания с предательством, включенные в центральные зоны социальных представлений (коллективный копинг).

Различные модели копингов содержатся в элементах периферических зон: «вред», «выбор», «неуважение», «обман ожиданий». Стратегии, включенные в зону ядра социальных представлений, по-разному применяются респондентами разных возрастных групп. Социальные представления группы «Юношеский возраст» (17–21 год ± 19) и группы «Средний возраст 1» (22–34 года ± 28) более схематичные, коллективные и обобщенные. Социальные представления группы «Средний возраст 2» (35–50 ± 42,5) отличаются расширенным полем представления, в которое включены аспекты личного отношения к феномену предательства. Различия личностных ресурсов респондентов, выбирающих разные стратегии, проясняют значение коллективного копинга в преодолении негативных социальных ситуаций.

Результаты исследования представляют интерес для курса по социальной психологии, для психологических служб и телефонов доверия.

Ключевые слова: социальные феномены, социальные представления, феномен предательства, коллективный символический копинг, ожидания в социальных контактах, открытость, социальное поведение.

Исследование социальных явлений, как составляющих системы социальных отношений современного общества, является одной из фундаментальных задач социальной психологии. Поведенческие возможности человека эпохи перемен сформированы и ограничены способами взаимодействия с изменяющейся реальностью. Характеризуя социальные феномены, человек выделяет социально-психологические особенности среды, в которой взаимодействует. Другими словами, человек представляет социальную среду через социальные феномены. Изучение представлений о социальных феноменах позволяет структурировать характеристики изменяющейся социальной реальности, связанные с поведенческими возможностями человека. Представления о социальных феноменах включают не только установки, убеждения, социальные нормы и правила, но и модели поведения, приемлемые для исследуемой социальной группы.

Социальные феномены можно условно разделить на сверхновые, сформированные в новых социальных реалиях, и устоявшиеся, преодолевшие вековые общественные трансформации. Предательство относится к явлениям второго типа. Одним из первых описаний предательства как социального явления стал случай Иуды, раскрывшего тайну малой группы из

12 человек. Этот кейс, относящийся к началу социальной истории человечества, является каноном поведения и для современного индивида, и представляет собой пример нарушения групповых норм и их последствий для членов группы.

Феномен предательства в представлениях ученых характеризует актуальную социальную ситуацию как напряженную, деструктивную, травмирующую, вызывающую колебания моральных норм и системы ценностей группы.

По У. Уорнеру, предательство представляет собой символический образ-ситуацию, изменяющий поведение членов группы. Чем меньше группа, тем больше следует наказание за предательство. Предательство случается чаще, когда происходят территориальные конфликты [41].

Р. Гобин и Дж. Фрейд подчеркивают травматичность событий, называемых как предательство. Описывая в исследовании явление ретравматизации предательства, авторы характеризуют предательство возникающим недоверием, раскрывают суть механизма доверия в травмирующих социальных контактах [19].

Проанализировав случаи предательства, С. Рахман определяет их как ситуации уровня катастрофы. Автор подчеркивает трудность, которую испытывают респонденты, справляясь с подобными ситуациями. В подходе выделены поведенческие модели: способность доверять, готовность доверять, склонность доверять, возможность идентифицировать предателя и предательская слепота. Перечисленные модели являются выработанными возможностями, позволяющими снижать катастрофизацию социальной ситуации [29].

В работе Д. Селтерман, А. Мурд, С. Колева представлены исследования моральных суждений о предательстве в отношениях и то, как эти суждения зависят от того, воспринимаются ли персонажи и их действия как чистые и верные по сравнению с уровнем нанесенного вреда [32].

К. Муздыбаев включает феномен предательства в один ряд с завистью и называет маркером деструктивной культуры [6].

Обращает внимание, что принадлежность объектов исследований вышеперечисленных научных работ к разным социально-культурным группам не меняет характеристик феномена предательства. Представляется важным проведение целостного исследования феномена предательства, в котором будет определено содержание социальных представлений о предательстве, выделено функциональное его значение для современного человека, описаны модели поведения, позволяющие справляться с негативной социальной ситуацией.

Теоретическими основами исследования стала концепция социальных представлений, опубликованная С. Московичи в 1961 году [27]. С. Московичи определяет СП как знания здравого смысла, которые «окаменевают в традициях и воспринимаются как само собой разумеющееся в социальной практике» [16, с. 13]. Особенно автор подчеркивает ориентацию на социальные представления во времена перемен [28].

Концепция, разработанная С. Московичи, включает ряд теоретических положений, направленных на выделение содержания социальных представлений в различных измерениях (информация, отношение и поле представления); изучение процессов его образования (объективация и анкеровка); описание естественного мышления и его логических свойств (формализм, неформальное повторение, аналогия и когнитивная полифазия); исследование функций представлений (ориентация поведения и коммуникация). В модели С. Московичи предложен расширенный анализ свойств и функций социальных представлений через определение «центрального ядра, в качестве единицы, образованной взаимозависимостью, фактической или символической, множества субъектов в их сложном отношении к общей (физической и социальной) среде, отношением между субъектами и между субъектами и объектами» [22, с. 33].

Ж.-П. Абрик описывает элементы структуры социальных представлений (ядро и периферические зоны) [12], которая поясняет природу представляемого в группе объекта. Автор поясняет, что элементы ядра (включают глобальные социально-исторические условия) будут определять суть социального представления об объекте. Периферические элементы, связанные с обстоятельствами [13] (отражают индивидуальный и коллективный опыт, способы общения, языки и т. д.), будут регулировать когнитивные и мотивационные процессы и определять выбор, запоминание и связывание элементов ядра [18].

Среди факторов, организующих социальные представления разных групп, В. Вагнер обозначает социальные условия, отношения между группами, уровень образования, а также социально-структурные, исторические, культурные или субкультурные, межпоколенческие отличия. Социальные представления не являются проблемой истины, произвольного выбора,

а определяются сохраненным опытом группы и достигнутым консенсусом ее членов. На примере конструирования образа «безгеного» естественного в сравнении с «обогащенным геном» био-инженерным помидором, который одновременно воспринимается как заразный и чудовищный, автор показывает, что социальных представлений не просто неправильное познание или сказка, а естественный происходящий способ понимания новых и сложных явлений [38].

В. Вагнер подчеркивает голоморфность и разноразноуровневость системы социальных представлений, объединяющей не только индивидуальные, групповые представления объекта, но и фрагменты взгляда противника на объект [39]. Автор поясняет, что только в подобной системе мета-представлений реализуется функция коллективного контроля. Так организован символический групповой копинг, а социальные представления являются результатом коллективного совладания [40]. Суть такого копинга в том, что ситуация предполагает не только возможность, но и потенциальную угрозу. В этом понимании символический копинг – это коллективная деятельность группы, борющейся за поддержание целостности своего мировоззрения, которое имеет решающее значение для социальной идентичности [37].

В подходе Д. Жодле найдены решения [22] известной проблемы взаимосвязей поведения, намерений, убеждений и действий [8]. В исследованиях автор показывает, что социальные репрезентации тесно связаны с поведением [20; 21]. Исследования структуры социальных представлений позволяют демонстрировать сложные взаимосвязи между социальными представлениями и поведением [11; 15]. Поведение «включено» в социальные представления [36] и сосуществует как часть системы смысла, используемого для понимания проблемы [40].

Новизна нашего исследования связана с попыткой анализа основ поведенческих составляющих коллективного копинга с негативными социальными ситуациями на примере феномена предательства. Целью исследования является изучение предательства как социальной ситуации и поведенческих возможностей человека в соответствующих ситуациях.

Опираясь на результаты эмпирических исследований феномена предательства, мы предположили, что структура социального представления о предательстве включает представления о недоверии, определяющие поведение человека в ситуации предательства.

Рабочие гипотезы:

- структура социального представления о предательстве различается у представителей разных возрастных групп;
- центральными элементами структуры социальных представлений о феномене предательства являются стратегии, включенные в коллективный копинг, представляющие собой поведенческие возможности преодоления негативных социальных ситуаций;
- особенности поведенческих возможностей в социальной ситуации предательства связаны как со структурой социальных представлений, так и с личностными ресурсами.

Для подтверждения гипотез исследования были поставлены задачи:

- выявление социальных представлений о феномене предательства у представителей разных возрастных групп;
- выделение структуры социальных представлений о феномене предательства;
- сравнительный анализ количественных показателей социальных представлений о феномене предательства у представителей разных возрастных групп;
- анализ копинг-стратегий, включенных в ядро социальных представлений о феномене предательства.

Методы исследования. В настоящий момент в подходе социальных представлений разработан ряд методов расширенного анализа социальных представлений. В нашем исследовании мы придерживались логики, применяемой исследователями школы Экс-Прованса. На первом этапе исследования мы использовали технику сбора словесных ассоциаций. Участников просили: записать первые слова, которые приходят на ум, когда задумываешься о предательстве. Эта техника вызывает спонтанные реакции, которые в меньшей степени зависят от соображений корректности, чем те, которые собраны более стандартизованными средствами, такими как фокус-группы или стандартизованные методики [25]. Затем вычисляли частоты для словесной ассоциации (частотную величину), что позволяет проводить значимые сравнения в различных наборах данных [26]. Собранные данные обрабатывались методом «Прототипического анализа» П. Вержеса [34]. Этот этап исследования также включал полуструктурированные интервью, направленные на уточнение представлений о предательстве. По результатам была выделена структура социальных представлений о феномене

предательства, а также выделены уровни социальных представлений (информация, установка и поле представления о феномене) в четырех возрастных группах.

На втором этапе исследования респонденты заполняли сконструированную по результатам первого этапа анкету и стандартизованные методики, направленные на исследование личностных ресурсов.

Анкета состояла из четырех блоков. Первый блок содержал модифицированные к теме исследования незаконченные предложения [31], направленные на выявление отношения респондента к феномену предательства. Для каждого предложения выводилась характеристика, определяющая отношение к феномену: положительное, отрицательное или безразличное [31]. Контент-анализ окончаний предложений позволил содержательно определить особенности отношения к феномену и предполагаемые модели поведения в ситуации предательства.

Второй блок анкеты включал в себя задание по выбору ассоциаций о феномене предательства и был направлен на определение структуры социальных представлений о феномене. Понятия подвергались «прототипическому анализу» П. Верджеса [34]. Затем проводилось сравнение выделенной структуры с помощью методики Е. Маркес «Критерий третьей стороны» [24]. Применение двух методов одновременно позволяет проверять гипотезы о центральности элементов структуры социальных представлений, а также выделять различия периферических зон структур разных групп, дать целостное описание исследуемых социальных представлений. Для сравнения социальных представлений респондентов разных групп применяли метод определения количественных свойств полей представления: ширины поля, коэффициента охвата, Хапаксного индекса (Нарахс) представления. Количественный показатель ширины поля представления (ПП) показывает количество включенных понятий. Коэффициент охвата (КО) показывает описательные соотношения, в которых большее значение коэффициента соответствует меньшей величине поля репрезентации и большему словесному богатству в группе. Показатели Хапаксного индекса (Нарахс) отражают соотношение индивидуальных и общих ответов в ответах исследуемых групп и показывают долю групповых (коллективных) и индивидуальных значений в поле социальных представлений, а также являются коэффициентом оценки когнитивной устойчивости представления (до 0,50 – коллективное и устойчивое поле; после 0,50 – неустойчивое индивидуальное). Выделенные эмпирические значения позволяют сравнивать поля представлений о феномене предательства в разных группах [17].

Третий блок включал 31 закрытое предложение о феномене предательства и был направлен на выделение стратегий, входящих в социальные представления о феномене предательства. Предложения для этого блока разработаны методом фокус-групп¹. Утверждения переведены методом двойного перевода, проведена адаптация каждого путем уточнения терминов, понятий, лексических конструкторов, с учетом особенностей языковой культуры и принятых социальных норм и правил. Респонденты оценивали предложения по пятибалльной шкале (полностью не согласен / не могу определиться / полностью согласен). Данные, собранные в этом блоке, обрабатывались методом «Шкалирования» Ж.-П. Абрик [5], для выделения центральных элементов представления.

В целях определения стратегий, входящих в центральное ядро социальных представлений, мы использовали описательную статистику, основанную на работе П. Верджеса [35] и М. Бухон [14]. Метод является простым способом с использованием прямых линий, которые иллюстрируют тенденцию группы выбирать, игнорировать или отклонять элемент социальных представлений. Этот метод обработки данных показывает появление определенных тенденций в социальных представлениях. Например, когда график показывает кривую в «J», можно предположить, что элемент является частью социального представления и потенциально из его центрального ядра. Если график имеет кривую «L», то тенденция заключается в том, что элемент не является частью социального представления. Колоколообразная кривая «A» означает, что респонденты игнорируют элемент, что делает его частью периферической системы представления. «V»-образное распределение показывает, что элемент является предметом контрастного восприятия и что существует две подгруппы с различными социальными представлениями об объекте. Таким образом, можно выделить наличие подгрупп и выявить общие черты среди членов этих подгрупп [23].

¹ Komolafe K. & Shah R. (2016). Betrayal responses and personality pathology: The Development of the Betrayal Response Scale. Unpublished clinical psychology doctoral thesis, Department of Clinical, Educational, and Health Psychology, University College London.

Четвертый блок включал вопросы для сбора данных о социально-демографических характеристиках респондентов.

Затем респонденты заполняли стандартизованные тесты:

- опросник ценностей Ш. Шварца [33];
- методика поведения в конфликте К. Томаса – Р. Килманна, 1974, в адаптации Н. В. Гришиной, 2020 [3];
- шкала безнадежности А. Бека (BHI) (Beck Hopelessness Inventory, 1991) [2];
- опросник «Большая пятерка» (Big Five) П. Коста и Р. МакКрэй, 1992, в адаптации А. Б. Хромова, 1999 [10];
- опросник ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса, 2003, в адаптации Д. С. Корниенко, А. А. Панкратова, 2017 [7];
- опросник проактивного совладающего поведения (копинга) (PCI) (Proactive Coping Inventory) Е. Грингласс и соавторы, 1999 год, в адаптации Е. С. Старченковой, 2009 [9];
- методика оценки доверия/недоверия личности другим людям А. Б. Купрейченко [4].

Выборка первого этапа исследования включала 78 человек. В их число вошли следующие группы: группа «Подростковый возраст»: 20 подростков в возрасте 12–16 (± 14) лет, в том числе 10 мальчиков и 10 девочек; группа «Юношеский возраст»: 20 молодых людей в возрасте 17–21 год (± 19), в том числе 10 юношей и 10 девушек; группа «Средний возраст 1»: 20 молодых людей в возрасте 22–34 года (± 28), в том числе 10 юношей и 10 девушек; группа «Средний возраст 2»: 20 взрослых людей в возрасте 35–50 лет ($\pm 42,5$), в том числе 8 мужчин и 10 женщин. Для распределения респондентов по возрасту применялась возрастная периодизация Б. Г. Ананьева [1]. Респонденты группы «Подростковый возраст» обучаются в средней школе. Респонденты групп «Юношеский возраст», «Средний возраст 1», «Средний возраст 2» обучаются на ступенях высшего образования и/или работают. Все респонденты проживают в Санкт-Петербурге.

Выборка второго этапа исследования включала 154 респондента трех возрастных групп. Группа «Юношеский возраст»: 50 молодых людей в возрасте 17–21 год (± 19), в том числе 21 юноша и 29 девушек. Группа «Средний возраст 1»: 66 молодых людей в возрасте 22–34 года (± 28), в том числе 20 юношей и 46 девушек. Группа «Средний возраст 2»: 38 человек в возрасте 35–50 лет ($\pm 42,5$), в том числе 20 женщин и 18 мужчин. Выборку составляют студенты, люди, работающие в разных профессиональных сферах, а также обучающиеся на ступенях высшего образования.

Респонденты, переживающие «актуальное предательство», не включены в выборку, так как нас интересовали социальные представления о негативных социальных ситуациях, но не личная ситуация респондента.

Собранные данные обрабатывались в программе SPSS-21. Применялись описательные статистики, t – критерий Стьюдента, H – критерий Краскала – Уолеса, критерий Шеффе, корреляционный и кластерный анализ.

Результаты. Основными результатами первого этапа исследования стало выделение структуры социальных представлений о феномене предательства. По методологии подхода было проведено сравнение структур, выделенных методом «Прототипического анализа» и методом «Критерий третьей стороны». Структура социальных представлений респондентов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Центральная и периферические зоны структуры социальных представлений о феномене предательства (N = 78)

	Методика «Прототипический анализ» (П. Верджес)	Методика «Критерий третьей стороны» (Е. Маркес)
Центральная зона (Ядро)	Недоверие Обман договоренностей	Недоверие Обман договоренностей
Периферическая зона	Обман	Обман
Активная периферическая зона	Обман ожиданий Выбор Вред Неуважение	Вред Не уважение Обман ожиданий Выбор Преступление, Испытание (т. п.)

Полученные данные показывают, что структура центральной части ядра социальных представлений о феномене предательства устойчива. Элементы ядра несут смысловую нагрузку об объекте представления. Включенные в ядро элементы недоверие и обман договоренностей раскрывают социальное значение феномена предательства: актуализация недоверия из-за нарушения договоренностей.

Первая периферическая зона представлена элементом «обман» – эта зона является обобщающей для элементов ядра, что позволяет соотнести представление с другими подобными социальными явлениями, передать суть феномена в коммуникации, а также упростить выбор поведенческой стратегий и определить возможное поведение.

Элементы, включенные в зону активной периферии, связывают элементы ядра с выбором поведенческой возможности в повседневной ситуации. Метод третьего критерия позволил включить в эту зону метафоры предательства (преступление, испытание, разрушение, удар, непредвиденное явления и т. п.), в которых отражено личное отношение к феномену. Структура, выделенная этим методом, также располагает элемент «вред» ближе к первой периферии, что делает этот элемент близким к ядру социальных представлений о предательстве.

Проведенные интервью позволили определить содержательные различия в социальных представлениях о феномене предательства у представителей разного возраста. В группе «Подростковый возраст» (11–16 лет) социальные представления о феномене предательства отличаются малой вариативностью поведения и могут быть представлены на примере интервью респондента 11 лет. «Предательство – это плохо. Друзья так не делают. Это не по-дружески. Это плохое поведение. Стыдно. Надо не дружить». Респонденты этой возрастной группы также часто (25 %) отвечали «Не знаю». Определенно представления о феномене предательства как о негативном социальном явлении сформированы к 12-летнему возрасту. Представления отличаются схематичностью, относятся к новым для этого возраста социальным отношениям – дружбе и включают поведенческую модель «не дружить».

Для сравнения представим пример интервью респондента 13 лет. «Предательство – это когда тебя друг подставил. Я не ожидал, что такое может быть. И этот человек перестал существовать для меня. Я вычеркнул его из своей жизни». Представления отличаются большей осознанностью с позиции своего Я, как результат ситуации – изменяется статус друга, респондент выбирает стратегию игнорирования «такого человека».

Социальные представления о феномене предательства группы «Средний возраст 1» отражены в интервью респондента 22 года: «Предают люди, которые несчастны. Предать можно только если себя не любишь, это жестоко, и ты будешь разочарован и потеряешь себя. Быть честным с собой – то, что нужно, чтобы не предали». Социальные представления о феномене предательства данной группы отличаются коннотативностью, и высоким эмоциональным переживанием негативных социальных ситуаций.

Респондент 35 лет так объясняет феномен предательства: «Предательство – это когда родственники, имея деньги, не дали на операцию близкому члену семьи и сдали его бесплатной медицине, и он умер и пролежал в больничном коридоре неделю. А на похороны потратились. Стали не близкие родственники». Особенностью социальных представлений представителей группы «Средний возраст 2» является включение личностного отношения к негативным ситуациям повседневного взаимодействия, которые актуализируют репрезентацию предательства.

Выделенные особенности социальных представлений о феномене предательства могут быть представлены как содержательные различия коллективного копинга, позволяющего справляться с негативными социальными ситуациями. Стратегии коллективных копингов содержатся в элементах периферических зон социальных представлений.

На втором этапе исследования выборка была расширена до трех возрастных групп респондентов 17–50 лет. Был проведен сравнительный анализ структур социальных представлений о феномене предательства.

По результатам первого блока анкеты (методика незавершенных предложений) определено, что отношение к феномену предательства у 53 % респондентов негативное, у 18,3 % – амбивалентное, а у 12,2 % положительное. 16,5 % респондентов не смогли определиться с ответом.

По второму блоку анкеты проведен детальный анализ количественных свойств полей представлений о предательстве. Количественные свойства полей представлений о предательстве в разных возрастных группах представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Количественные свойства полей представлений о предательстве
в разных возрастных группах (N = 154)**

Возрастная группа	Размер поля представления				Коэффициент Охвата (КО)	Ха-индекс (Нарахс)
	КК	ЭК	КонК	ПП		
«Юношеский возраст» (17–21 год)	120	120	100	340	4,4	0,1
«Средний возраст 1» (22–34 года)	200	160	120	480		
«Средний возраст 2» (35–50 года)	252	180	126	558	2,7	0,14

По данным, приведенным в таблице, видно, что количественный показатель ширины поля представления (ПП) повышается с увеличением возраста респондентов, что и определяет расширение поведенческих возможностей в социальных ситуациях. Коэффициент охвата (КО) показывает большее словесное богатство вокруг одного элемента социальных представлений о предательстве в группе «Средний возраст 2». Показатели Хапаксного индекса (Нарахс) показывают наименьшую когнитивную устойчивость представления респондентов группы «Средний возраст 2». Представления о предательстве данной возрастной группы могут быть определены как более индивидуальные, а представления респондентов других групп – как более коллективные, консенсуальные. Однако значения Хапаксного индекса представителей всех групп меньше 0,50, что говорит о символической коллективной организации социальных представлений о феномене предательства. Различия представлений респондентов моложе 34 лет могут быть охарактеризованы как функциональные, тогда как представления респондентов старше 34 лет – как нормативные или атрибутивные. Описанные свойства социальных представлений о феномене предательства поясняют, как работает символический групповой копинг. Для респондентов младшего возраста обращение к ситуации предательства отражает дискомфорт в социальных контактах, тогда как личностные ресурсы респондентов старшего возраста позволяют им не воспринимать социальную ситуацию как стесняющую их социальную активность.

Данные, собранные с помощью третьего блока анкеты, направлены на анализ поведенческих стратегий, включенных в структуру СП о феномене предательства. В результате шкалирования закрытых вопросов третьего блока анкеты были выделены четыре стратегии: «Я знаю, люди предают»; «Предательство может быть в любых отношениях»; «Предательство помогает понять отношения»; «Я не жду много в моих взаимоотношениях». Все перечисленные стратегии относятся к центральной системе структуры представления (коэффициенты позитивных оценок (КПО) для шкалированных стратегий равны: 85.28; 69.69; 66.23; 59.74 соответственно).

Для анализа различий стратегий результаты блока анкеты были обработаны методом П. Верджеса. По трем стратегиям («Я знаю, люди предают»; «Предательство может быть в любых отношениях»; «Предательство помогает понять отношения») были получены «J»-образные графики, что показывает включенность данных стратегий в ядро социальных представлений о предательстве.

Особенности личностных ресурсов респондентов, выбирающих стратегии центральной структуры социальных представлений о предательстве, определены по стандартизованным тестам. Полученные значения, а также средние значения по тестам представлены в приложении (таблица).

Для респондентов, выбирающих стратегию «Я знаю, люди предают» получены статистически значимые различия по критерию Краскала – Уолеса для шкал третьего блока анкеты «Стратегии предательства»: «Негативные мысли» ($X^2 = 17,405$; $p = 0,000$), по шкале «Переживания предательства» ($X^2 = 11,755$ $p = 0,003$), и по общему значению по анкете «Стратегии предательства» ($X^2 = 14,888$; $p = 0,001$) по сравнению с респондентами, не выбирающими эту стратегию.

Для респондентов, выбирающих стратегию «Предательство может быть в любых отношениях», получены статистически значимые различия по критерию Краскала – Уолеса для шкал ценностного опросника Ш. Шварца: гедонизм ($X^2 = 7,047$; $p = 0,029$) и стимуляция ($X^2 = 8,510$; $p = 0,014$), шкале «приспособление» ($X^2 = 7,653$; $p = 0,022$) (методика «Поведение в

конflikте» К. Томаса – Р. Килмана), а также по стратегии «Могу вернуться в отношения, в которых предали» ($X^2 = 11,177$; $p = 0,004$) (по анкете «Стратегии предательства»).

Для респондентов, выбирающих стратегию «Предательство часто помогает понять отношения», получены статистически значимые различия по критерию Краскала – Уолеса по шкале «Рефлексивное преодоление» ($X^2 = 6,073$; $p = 0,048$) (опросник проактивного совладающего поведения); по шкале «Власть» ($X^2 = 9,365$; $p = 0,009$) (ценностный опросник Ш. Шварца); по шкале «Конкуренция» ($X^2 = 18,056$; $p = 0,000$) (опросник поведения в конфликте К. Томаса – Р. Килмана), а также по стратегиям «Я могу вернуться в отношения, в которых предали» ($X^2 = 15,956$; $p = 0,000$) и «Я игнорирую людей» ($X^2 = 9,670$; $p = 0,000$) (по анкете «Стратегии предательства»). По критерию Манна – Уитни респонденты, выбирающие эту стратегию, отличаются низкими значениями по шкале «Заблуждения» ($U = 365,5$; $p = 0,043$) (тест безнадёжности А. Бека).

В таблице представлены частоты по стратегиям, включенным в структуру ядра СП о феномене предательства, разных возрастных групп.

Таблица 3

Возрастные особенности применения стратегий, включенных в структуру ядра СП о феномене предательства

Возрастные группы	Ядерный элемент СП о феномене предательства «Я знаю, люди предают»	
	Не выбирают стратегию	Выбирают стратегию
Юношеский возраст	12,8	82,2
Средний возраст 1	20,6	76,2
Средний возраст 2	25	56,3
	Ядерный элемент СП о феномене предательства «Предательство может быть в любых отношениях»	
	Не выбирают стратегию	Выбирают стратегию
Юношеский возраст	23,1	61,5
Средний возраст 1	31,7	54
Средний возраст 2	58,3	33,3
	Ядерный элемент СП о феномене предательства «Предательство помогает понять отношения»	
	Не выбирают стратегию	Выбирают стратегию
Юношеский возраст	20,5	69,2
Средний возраст 1	44,4	39,7
Средний возраст 2	41,6	50
	Ядерный элемент СП о феномене предательства «Я не жду много в отношениях»	
	Не выбирают стратегию	Выбирают стратегию
Юношеский возраст	35,9	33,3
Средний возраст 1	39,7	33,3
Средний возраст 2	25	50

Для центрального элемента социальных представлений о феномене предательства «Я знаю, люди предают» обнаружена статистически значимые различия ($X^2 = 19,02$; $p = 0,004$) для разных возрастных групп. Представители группы «Средний возраст 2» выбирают эту стратегию реже, чем в двух других группах.

Стратегию «Предательство может быть в любых отношениях» в группе «Средний возраст 2» выбирают реже, чем в группе «Средний возраст 1» и в группе «Юношеский возраст» соответственно. Различия не достигают статистического уровня значимости.

Для элемента социальных представлений о феномене предательства «Предательство помогает понять отношения» обнаружены значимые связи с возрастом респондентов ($r = -0,240$; $p = 0,010$): чем старше респонденты, тем реже выбирают эту стратегию.

Стратегия «Я не жду много в отношениях» также располагается в ядерной зоне социальных представлений. Респонденты «Средний возраст 2» чаще выбирают данную стратегию. Различия статистически не значимы, что позволяет предположить, отсутствие значимых различий социальных представлений о предательстве в возрастных группах. Видимо, различия обусловлены другими социально-психологическими характеристиками. Значимые различия

характеристик респондентов, выбирающих и не выбирающих эту стратегию, представлены в таблице № 4.

Распределение ответов по стратегии «Я не жду много в моих взаимоотношениях» показывает, что одна часть участников выбирает, а другая отвергает стратегию. График представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение ответов элемента «Я не жду много в своих отношениях» в социальных представлениях респондентов

Представленное на рисунке «V» распределение ответов центрального элемента СП позволяет выделить две подгруппы с разными представлениями о феномене предательства. Респонденты первой группы «Нет ожиданий в социальных контактах» (34,8 %) выбирают данную стратегию. Респонденты второй группы «Ожидания в социальных контактах» (36,5 %) не отмечают данный элемент как актуальный.

В таблице 4 представлены статистически значимые различия групп с разными «Ожиданиями в социальных контактах» по значениям тестов личностных ресурсов.

Таблица 4

Статистически значимые различия групп с разными ожиданиями в социальных контактах (N = 154)

Показатели тестов	Группа 1 «Нет ожиданий в социальных контактах»	Группа 2 «Ожидания в социальных контактах»	Критерий Стьюдента (t)	Sig (p)
	М	М		
Самоконтроль-импульсивность	51,45	35,5	t = 2,435	p = 0,033
Экспрессивность-практичность	52,18	60	t = 3,305	p = 0,008
Вынужденное доверие (открытость)	7,6	4,14	t = 12,53	p = 0,033
Конфликтность	5,75	4,4	t = 2,66	p = 0,010
Переживания предательства	35,85	29,98	t = 2,13	p = 0,037
Возможность предательства	92,15	79,95	t = 2,93	p = 0,004
Рефлексивное преодоление	26,83	30,46	t = 2,72	p = 0,009

Из представленных данных видно, что респонденты группы «Ожидания в социальных контактах» характеризуется импульсивностью (t = 2,435), большей практичностью (t = 3,305), закрытостью в социальном взаимодействии (t = 12,53). Респонденты группы не готовы к открытым конфликтам (t = 2,66), им не характерны переживания негативных ситуаций взаимодействия (t = 2,13) и «ожидания предательства» (t = 2,93) в социальных контактах.

Респонденты группы «Нет ожиданий в социальных контактах» характеризуются большим самоконтролем (t = 2,435), практичностью (t = 3,305), вынужденным доверием (t = 12,53),

эмоциональными переживаниями негативных ситуаций взаимодействия ($t = 2,13$), готовностью к конфликтным ситуациям ($t = 2,66$), а также «ожиданием предательства» ($t = 2,93$). Респондентов группы отличает применение стратегии проактивного совладающего поведения – рефлексивное преодоление (перспективная рефлексия). Рефлексивное преодоление включает: оценку возможных стрессоров, анализ проблем и имеющихся ресурсов, генерирование предполагаемого плана действий, прогноз вероятного исхода деятельности и выбор способов ее выполнения. Людей, использующих эту стратегию, отличают представления о возможных поведенческих альтернативах разной эффективности. В таблице представлены статистически значимые взаимосвязи рефлексивного преодоления со шкалами методик.

Таблица 5

Корреляционные взаимосвязи проактивной стратегии рефлексивного преодоления с элементом социальных представлений «Я не жду много в отношениях» и показателями методик***

Показатели тестов	Рефлексивное преодоление
Стратегия «Предательство может быть в любых отношениях»	0,243*
Шкала безнадежности: Заблуждения по отношению к своему будущему	-0,321**
Методика «Поведение в конфликте»: Стратегия «Конкуренция»	-0,245*
Опросник ценностей: ценность «Гедонизм»	0,228*
ценность «Самостоятельность»	0,398**
ценность «Традиции»	-0,274*
ценность «Власть»	-0,354**
ценность «Стимуляции»	-0,307**
ценность «Конформность»	-0,316**
Методика «Доверия/недоверия»: Доверие	0,239*
Надежность	0,243*
Единство	0,228*
Опросник «Эмоциональная регуляция»: Стратегия когнитивная оценка	0,232*
Опросник «Проактивное поведение»: Проактивное преодоление	0,744**
Стратегическое планирование	0,551**
Превентивное преодоление	0,595**
Поиск инструментальной поддержки	0,310**

*Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

***Методики, направленные на изучение личностных ресурсов респондентов с разными структурами представлений о феномене предательства:

«Шкала безнадежности» А. Бек, методика «Поведение в конфликте» К. Томаса – Р. Килмана, Ценностный опросник Ш. Шварца, методика «Доверия/недоверия» А. Б. Купреченко, опросник «Эмоциональная регуляция» Дж. Гросса, опросник проактивного совладающего поведения (копинга) в адаптации Е. С. Старченковой.

Респонденты, структура социальных представлений которых включает стратегию «Я не жду много в своих отношениях», отличаются направленностью на социальное взаимодействие, высоко переживают негативные социальные ситуации, открыты изменениям, готовы к открытым конфликтам, не поддерживают конкурентного взаимодействия, имеют высокий уровень когнитивных ресурсов преодоления, а также демонстрируют конструктивную стратегию эмоциональной регуляции.

Ценностные профили респондентов группы «Ожидания в социальных контактах» и группы «Нет ожиданий в социальных контактах» представлены на рисунке 2.

Как видно из рисунка, наиболее важными ценностями для респондентов группы «Ожидания в социальных контактах» являются: «Самостоятельность» ($M = 10,5$; 1 ранг), «Достижения» ($M = 9,7$; 2 ранг) и «Гедонизм» ($M = 9,6$; 3 ранг). Не важные: «Традиции» ($M = 5,9$; 10 ранг), «Конформность» ($M = 7,7$; 9 ранг) и «Власть» ($M = 7,9$; 8 ранг).

Представители группы «Нет ожиданий в социальных контактах» среди значимых отмечают: «Самостоятельность» ($M = 10,85$; 1 ранг), «Доброта» ($M = 9,4$; 2 ранг), «Достижения» ($M = 9$; 3 ранг). В конце списка ценностей для этой группы: «Традиции» ($M = 6,5$; 10 ранг), «Власть» ($M = 7,9$; 9 ранг) и «Конформность» ($M = 8,2$; 8 ранг).

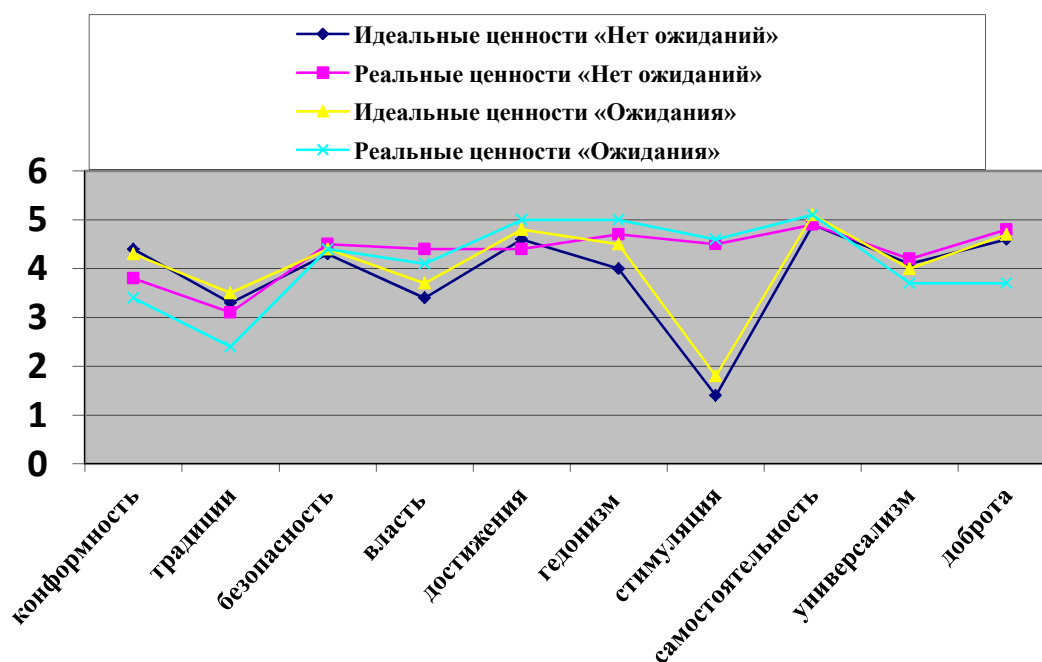

Рис. 2. Ценностные профили респондентов группы «Ожидания в социальных контактах» и группы «Нет ожиданий в социальных контактах»

Обсуждение результатов. По данным первого этапа исследования социальных представлений о феномене предательства было определено, что к 12-летнему возрасту представления о феномене предательства как о негативном социальном явлении сформированы и включают знания о предательстве и поведении в ситуации и отношением к феномену.

До возраста 34 лет представления о предательстве отличаются схематичностью, коннотативностью. Респонденты старше 34 лет отличаются более сложной структурой представлений о феномене предательства, вариативностью суждений. Выделенные различия структур социальных представлений о феномене предательства поясняют значение коллективного копинга для возможности справляться с негативными социальными ситуациями.

Исследование центральных элементов социальных представлений о феномене предательства позволило выделить четыре стратегии: «Я знаю, люди предают»; «Предательство может быть в любых отношениях»; «Предательство помогает понять отношения»; «Я не жду много в моих взаимоотношениях». Стратегии, помогающие преодолевать негативные переживания, формируются в социальных контактах и представляют собой социально-психологические адаптивные возможности справляться с негативными социальными ситуациями.

Распределение выборов стратегии «Я не жду много в своих взаимоотношениях» позволило выделить два типа социальных представлений о феномене предательства. Респонденты, выбирающие данную стратегию, принадлежат к разным возрастам. Возрастные различия социальных представлений о феномене предательства не значимы, что позволяет предположить важность личностных ресурсов в формировании возможности справляться с негативными социальными ситуациями. Респонденты, использующие стратегию «Я не жду много в своих взаимоотношениях», не мотивированы тревогой, не имеют заблуждений в отношении своего будущего, применяют стратегию когнитивной переоценки, ставят интересы других выше собственных, готовы к открытым конфликтам, направлены на сотрудничество, из имеющихся альтернатив выберут стратегии взаимодействия с большим уровнем эффективности для достижения цели. Выбранная стратегия позволяет им быть эффективными в социальных контактах и положительно сказывается на общем благополучии.

По использованию стратегий выделены различия между респондентами разных возрастных групп. Респонденты группы «Юношеский возраст» чаще используют стратегию «Я знаю, люди предают», а также «Предательство может быть в любых отношениях», реже «Предательство помогает понять отношения». Перечисленные стратегии раскрывают суть коллективного символического копинга, возможность справляться с негативной социальной ситуацией для респондентов возраста 17–21 год.

В группе «Средний возраст 1» наиболее часто применима стратегия «Я знаю, люди предадут». Важно отметить, что в данной группе три другие стратегии непопулярны. Для респондентов группы эти стратегии находятся в «слепой зоне» социальных представлений о предательстве, что определяет высокие эмоциональные переживания негативных социальных взаимодействий, выраженных такими стратегиями, как «Безнадежность» и «Уязвимость».

Группу «Средний возраст 2» отличает применение стратегии «Я не жду много в своих отношениях». Три другие стратегии применяются респондентами редко. Такой тип копинга связан с проактивной стратегией совладающего поведения рефлексивное преодоление и отличается рядом описанных выше конструктивных особенностей.

Выбираемая стратегия позволяет определить тип копинга (коллективный, индивидуальный). Выделенные особенности двух типов копинга, проявляют конструктивность каждого из них. Коллективный копинг позволяет обобщить ситуацию до известной модели, что позволяет выбрать поведение. Тогда как индивидуальный копинг позволяет переоценить ситуацию, выбрав наиболее эффективную для достижения цели поведенческую модель.

Полученные результаты требуют дальнейшего исследования особенностей коллективных копингов разного типа. Важно проследить, как включенные в социальные представления модели поведения связаны со стратегиями, входящими в социальные представления о феномене предательства, так как уже на данном этапе известно, что возраст респондентов не является значимым фактором выбора стратегии и поведения в социальной ситуации.

В связи с этими выводами мы предполагаем исследовать особенности недоверия. Недоверие является одним из двух ядерных элементов социальных представлений о предательстве и может определять поведенческие возможности во взаимодействии с другими людьми или степень открытости, поведенческий стиль, включенный в структуры социальных представлений о феномене предательства. Как показал Роланд-Леви, взаимосвязь между социальными представлениями и поведением не является односторонней причинно-следственной. Социальные представления определяют поведение, но взаимозависимо модифицируются поведением [30].

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды : в 2-х т. Т. 1. Педагогика, 1980. С. 89-95.
2. Белобрыкина О. А., Солоницына М. А. Диагностика информативности методики «Шкала безнадежности» А. Т. Бека: проблема практического применения. «PEM: Psychology. Educology. Medicine». ISSN 2312-9352 (Online). 2019. № 1. С. 34–60.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб. : Питер, 2000.
4. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М. : Институт психологии РАН, 2008. 564 с.
5. Личностные ресурсы совладания в условиях потери работы у представителей социэкономических профессий / Т. П. Емельянова, Т. В. Белых, В. Н. Шабанова, Д. А. Шмидт // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 4. С. 74–89.
6. Муздыбаев К. Психология зависти. Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 6. С. 3–12.
7. Панкратова А. А., Корниенко Д. С. Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса. Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 139–149.
8. Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 105–130.
9. Старченкова Е. С. Ресурсы проактивного совладающего поведения. Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2012. Вып. 1. С. 51–61.
10. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности : учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. 23 с.
11. Abric J.-C. 1971. Experimental Study of Group Creativity: Task Representation, Groupe Structure and Performance. European Journal of Social Psychology, 1, 3.
12. Abric J.-C. L'artisanat et l'artisanat: analyse du contenu et de la structure d'une représentation sociale. Bulletin de psychologie. 1984. No. 366. Pp. 861–875.
13. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la représentation de la zone muette des représentations sociales. In J.-C. Abric (Dir.), Méthodes d'étude des représentations sociales. 2003. Pp. 59–80. Ramonville Saint-Agnes: Ed. Erès.
14. Bouhon M. Enseigner l'histoire: un sens à l'épreuve de la «réalité». Dans M.-A. Éthier, D. Lefrançois et J.-F. Cardin (dir.), Enseigner et apprendre l'histoire : manuels, enseignants et élèves. 2011. Pp. 179–207. Québec, Québec : Presses de l'Université Laval.
15. Doise W. An Experimental Investigation into the Formation of Intergroup Representations. European Journal of Social Psychology, 1972. No. 2. 2. Pp. 202–204.

16. Farr R. M. & Moscovici S. (Eds.) Social Representations, (pp. 3–69). 1984. Moscovici, S. The phenomenon of social representations. In R. M. Farr & S. Moscovici (Eds.). Cambridge, U K: Cambridge University Press.
17. Flament C. & Rouquette M. L. Anatomie des idées ordinaires. Comment étudier les représentations sociales. 2003. Paris: Armand Colin. P. 176.
18. Gaffié B. Contextes, expressions et dynamique représentationnelle. *Psicologia*. 2004. Vol. 18. No. 1. (Lisboa jan.). DOI: 10.17575/rpsicol.v18i1.418.
19. Gobin R. L., Freyd J. J. Betrayal and revictimization: Preliminary findings. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2009. 1 (3). Pp. 242–257.
20. Jodelet D. Réflexions sur le traitement de la notion de représentation sociale en psychologie sociale. *Communication – Information*. 1984. 6 (2-3). Pp. 15–42.
21. Jodelet D. Représentations sociales: un domaine en expansion. In: D. Jodelet (Ed.), *Les représentations sociales*. 2003. Pp. 45–78.
22. Jodelet D. Social Representations: The Beautiful Invention. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2011. Vol. 38 (4). Pp. 411–430. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2008.00383.x.
23. Lanoix A. Représentations sociales comparées. Le regard des enseignants et des conseillers pédagogiques sur les finalités de l'enseignement de l'histoire / *Revue des sciences de l'éducation*. 2018. Vol. 44 (2). Pp. 77–102. DOI: 10.7202/1058113ar.
24. Marquez E., Leon I. Social representations of work: identity dynamic and psychosocial involvement. *Psicologia & Sociedade*. Vol. 24. No. 2. Belo Horizonte May/Aug. 2012. DOI: 10.1590/S0102-71822012000200022.
25. Marková I. Towards an epistemology of social representations. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1996. Vol. 26 (2). Pp. 177–196. DOI: 10.1111/j.1468-5914.1996.tb00528.x.
26. Moloney G., Hall R. and Walker I. 2005. Social representations and themata: the construction and functioning of social knowledge about donation and transplantation. *British Journal of Social Psychology*. 2005. Vol. 44 (3). Pp. 415–441. DOI: 10.1348/014466605X42246.
27. Moscovici S. La psychanalyse, son image et son publique. 1961. Paris : P.U.F.
28. Moscovici S. Notes towards a description of Social Representations. *European Journal of Social Psychology*. 1988. Vol. 18 (3). Pp. 211–250. DOI: 10.1002/ejsp.2420180303.
29. Rachman S. Betrayal: a psychological analysis. *Behav.Res.Ther.* 2010 Apr. Vol. 48 (4). Pp. 304–311. DOI: 10.1016/j.brat.2009.12.002. Epub 2009 Dec 24.
30. Roland-Levy C., Pappalardo Boumelki F. E. & Guillet E. (2010). Representation of the financial crisis. Effect on social representations of savings and credit. *The Journal of Socio-Economics*. 2010. Vol. 39 (2). Pp.142–149. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/B6W5H...6341ff358fc2e58f19e2>.
31. Sacks J. M. & Levy S. The Sentence Completion Test. In L. E. Abt & L. Bellak (Eds.), *Projective psychology: Clinical approaches to the total personality*. 1950. Pp. 357–402. Alfred A. Knopf. DOI: 10.1037/11452-011.
32. Selterman D., Moord A. C., Koleva S. Moral judgment toward relationship betrayals and those who commit them // *Personal Relationships*. 2018. DOI: 10.1111/pere.12228.
33. Schwartz Sh. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2 (1). DOI: 10.9707-0919.1116.
34. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV. No. 45 (405). Pp. 203–209.
35. Vergès P. L'analyse des représentations sociales par questionnaires. *Revue française de sociologie*. 2001. Vol. 42 (3). Pp. 537–561. DOI: 10.2307/3323032.
36. Wagner W. Can Representations Explain Social Behaviour? A discussion of social representations as rational systems. *Papers on Social Representations Papers on Social Representations – Textes sur les Représentations Sociales*. 1993. (1021-5573). Vol. 2 (3). Pp. 236–249.
37. Wagner W. 1998. Social representations and beyond: brute facts, symbolic coping and domesticated worlds. *Culture and Psychology*. Vol. 4 (3). Pp. 297–329. DOI: 10.1177/1354067X9800400302.
38. Wagner W. & Kronberger N. Killer Tomatoes! Collective symbolic coping with biotechnology. In K. Deaux & G. Philogene (Eds.), *Representations of the Social – Bridging Theoretical Traditions*. 2001. Oxford: Blackwell.
39. Wagner W. & Hayes N. *Everyday Discourse and Common-Sense – The Theory of Social Representation*. 2005. New York : Palgrave Macmillan. DOI: 10.1177/0963662506067629.
40. Wagner W. (2015). Representation in action. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, & J. Valsiner (Eds.), *The Cambridge Handbook of Social Representations*. 2015. Pp. 12–28. Cambridge, UK : Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781107323650.004.
41. Warner W. L. (Ed.) *Yankee City*. New Haven & London : Yale Univ. Press, 1963. Pp. 35–61.

Приложение

Таблица

Данные по личностным ресурсам и поведенческим стратегиям, ценностным ориентациям групп респондентов, выбирающих центральные элементы СП

Опросники	Средние по шкалам методик	Элемент СП «Я знаю, люди предадут»		Элемент СП «Предательство может быть в любых отношениях»		Элемент СП «Предательство часто помогает понять отношение»	
		М	Ст. откл.	М	Ст. откл.	М	Ст. откл.
Пятифакторный Личностный опросник Р. МакКрае, П. Коста, версия 5PFQ, сост. Х. Тсуйи, адаптация: А. Б. Хромов (1996–1999): оценки высокие: 51–75 баллов; средние: 41–50 баллов; низкие: 15–40 баллов	Экстраверсия-Интроверсия	48,23	7,93	48,58	8,88	50,15	9,23
	Привязанность-Обособленность	46,54	14,33	48,75	12,28	48,77	15,37
	Самоконтроль-Импульсивность	46,69	10,93	48,58	11,26	48,54	11,79
	Эмоциональная устойчивость-Эмоциональная неустойчивость	46,38	10,9	46,08	10,39	44,31	12,29
	Экспрессивность-Практичность	52,00	10,04	50,42	9,36	54,23	10,40
Поведение в конфликте (Томас-Килман в адаптации. Н. Гришиной, 1)	<u>Конкуренция</u> (Н: 0-3; Ср: 4-7; В: 8-12)	4,6	3,22	4,34	2,87	4,16	2,65
	<u>Кооперация</u> (Н: 0-5; Ср: 6-8; В: 9-12)	5,87	1,87	6,18	1,9	6,08	1,97
	<u>Компромисс</u> (Н: 0-4; Ср: 5-8; В: 9-12)	6,67	1,85	6,92	1,87	6,67	1,87
	<u>Приспособление</u> (Н: 0-3; Ср: 4-6; В: 7-12)	6,02	2,41	6,08	2,28	6,22	2,04
	<u>Уклонение</u> (Н: 0-4; Ср: 5-7; В: 8-12)	6,73	2,04	6,45	2,04	6,78	2,14
Ценностный опросник Шварца	Самостоятельность	4,86	1,29	4,74	1,30	4,96	1,30
	Стимуляция	3,92	1,55	3,61	1,42	3,70	1,64
	Гедонизм	4,34	1,46	4,23	1,45	4,26	1,55
	Достижения	4,61	1,14	4,47	1,13	4,65	1,14
	Власть	3,55	1,47	3,42	1,37	3,45	1,36
	Безопасность	4,36	1,28	4,38	1,25	4,32	1,23
	Конформность	4,28	1,25	4,31	1,22	4,35	1,31
	Традиции	3,40	1,45	3,28	1,31	3,18	1,56
	Доброта	4,72	1,16	4,68	,95	4,89	1,23
Универсализм	4,19	1,28	4,05	1,22	4,06	1,37	
Анкета «Стратегии предательства»	Отвержение предательства	8,97	1,10	8,74	1,51	8,52	1,63
	Не замечаю предательства	2,93	1,43	3,09	1,44	3,2	1,42
	Я доверяю людям	2,05	1,13	2,08	1,14	2,00	1,06
	Предательство может быть в любых отношениях	3,65	1,38	4,59	,49	3,88	1,24
	Я игнорирую людей	3,00	1,37	3,25	1,35	3,49	1,34
	Переживания ситуации предательства	37,01	13,02	36,47	13,00	35,37	12,66
	Негативные мысли	9,08	2,96	8,80	3,19	8,71	3,16

Окончание таблицы

Опросники	Средние по шкалам методик	Элемент СП «Я знаю, люди предают»		Элемент СП «Предательство может быть в любых отношениях»		Элемент СП «Предательство часто помогает понять отношение»	
		М	Ст. откл.	М	Ст. откл.	М	Ст. откл.
	Вынужденная открытость	5,72	1,88	5,95	1,87	5,91	1,85
	Открытый конфликт	5,39	2,42	5,63	2,47	5,33	2,49
	Я не думаю, почему предательство случилось	2,59	1,36	2,58	1,25	2,83	1,41
	Я могу вернуться в отношения	2,75	1,33	3,05	1,28	3,11	1,35
	Не выражаю чувства открыто	2,89	1,35	2,84	1,40	2,84	1,42
	Я предавал других	3,07	1,42	3,17	1,43	2,91	1,36
	Предательство помогает понять отношения	3,38	1,48	3,73	1,34	4,52	,50
Шкалы безнадежности А. Бека	Заблуждения (32,0 ± 8,0)	42,42	8,981	42,53	9,348	39,97	8,936
Опросник проактивного поведения	Проактивное совладание:	132,3	22,8	134,71	25,62	135,6	21,5
	Проактивное преодоление (34,97-41,78 ± 5,36)	35,80	8,58	36,07	7,86	36,54	9,5
	Рефлексивное преодоление (28,03-30,43 ± 4,88)	27,89	6,0848 1	28,39	6,36	29,10	6,14
	Превентивное преодоление (28,02-28,57 ± 4,77)	25,53	5,23	28,39	6,36	26,10	4,8
	Стратегическое преодоление (10,21-8,53 ± 2,27)	10,16	2,78	10,36	2,84	21,51	2,86
	Поиск инструментальной поддержки (19,32-17,62 ± 3,81)	19,25	4,59	20,23	4,40	19,83	4,07
	Поиск эмоциональной поддержки (13,12-3,38 ± 2,86)	12,58	3,16	12,92	3,29	12,51	3,27
Опросник эмоциональной регуляции	Когнитивная оценка	24,76	5,6	24,76	5,7	25,59	5,7
	Эмоциональное подавление	14,24	4,22	13,92	4,4	13,78	4,6
Опросник доверия/недоверия	Доверие	33,07	5,26	32,20	5,69	32,30	5,66
	Недоверие	20,18	3,2	19,93	2,8	19,71	3,3
	Доверие к миру	14,52	3,09	14,06	2,7	14,05	2,8
	Доверие к другим	16,80	3,12	16,59	3,01	16,67	2,9
	Доверие к себе	21,82	3,7	21,52	3,3	21,47	3,4
	Знание	3,36	2,8	3,21	2,9	3,28	3,1
	Единство	4,09	2,9	3,95	3,4	4,37	3,5
	Недостатки	2,49	2,4	2,36	2,4	2,83	2,7
	Приязнь	2,09	2,1	2,25	2,4	2,1	2,1
	Расчет	1,87	1,8	2,08	2,2	1,97	1,9
Надежность	3,85	2,3	3,76	2,8	3,69	2,5	

Social concepts of the phenomenon of betrayal: analysis of the structure and content in different age groups

S. D. Gurieva¹, Ya. E. Vinogradova²

¹Doctor of Psychological Sciences, professor of the Department of Social Psychology,
St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg.

ORCID: 0000-0002-4305-432X. E-mail: s.gurieva@spbu.ru

²postgraduate student of the Department of Social Psychology, St. Petersburg State University,
Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0002-6358-4432. E-mail: yana.e.vinogradova@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of research on the phenomenon of betrayal in modern psychology. The second part presents the results of studying the structure of the perception of the phenomenon of betrayal of respondents of different age groups. The relevance of the study of the phenomenon of betrayal in the social representations of different age groups lies in the identification and holistic analysis of the organization of coping behavior with negative social situations.

A meaningful analysis of the concepts of the phenomenon reveals the essence of the phenomenon of betrayal, shows its significance in the organization of social interaction. The views of the respondents of different groups differ in the behavior implemented in the situation of betrayal.

The study examines the relationship between social perceptions of the phenomenon of betrayal and behavior in a situation. The function of social representations in the organization of coping behavior is highlighted.

The article presents the methods used in the approach for the study of social representations. The features of the structure of social ideas about the phenomenon of betrayal of representatives of different age groups are described. The results of a comparative analysis of quantitative indicators of social representations are presented. The main strategies of coping with betrayal included in the central zones of social representations (collective coping) are highlighted.

Various coping models are contained in the elements of the peripheral zones: "harm", "choice", "disrespect", "deception of expectations". The strategies included in the core area of social representations are applied differently by respondents of different age groups. The social representations of the group "Youth age" (17–21 years ± 19) and the group "Middle age 1" (22–34 years ± 28) are more schematic, collective and generalized. The social representations of the group "Middle age 2" (35–50 ± 42.5) are distinguished by an expanded field of representation, which includes aspects of personal attitude to the phenomenon of betrayal. The differences in the personal resources of respondents who choose different strategies clarify the importance of collective coping in overcoming negative social situations.

The results of the study are of interest for a course in social psychology, for psychological services and helplines.

Keywords: social phenomena, social representations, the phenomenon of betrayal, collective symbolic coping, expectations in social contacts, openness, social behavior.

References

1. Anan'ev B. G. *Izbrannyye psichologicheskyye trudy : v 2-h t. T. 1* [Selected psychological works : in 2 vols. Vol. 1]. Pedagogika. 1980. Pp. 89–95.
2. Belobrykina O. A., Solonicyina M. A. *Diagnostika informativnosti metodiki "Shkala beznadezhnosti"* A. T. Beka: problema prakticheskogo primeneniya [Diagnostics of the informativeness of the method "Scale of hopelessness" by A. T. Beck: the problem of practical application]. "PEM: Psychology. Educology. Medicine". ISSN 2312-9352 (Online). 2019. No. 1. Pp. 34–60.
3. Grishina N. V. *Psihologiya konflikta* [Psychology of conflict]. St. Petersburg. Piter. 2000.
4. Kuprejchenko A. B. *Psihologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of trust and distrust]. M. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2008. 564 p.
5. *Lichnostnye resursy sovladaniya v usloviyah poteri raboty u predstavitelej sotsionomicheskikh professij – Personal resources of coping in the conditions of job loss among representatives of socioeconomic professions / T. P. Emelyanova, T. V. Belykh, V. N. Shabanova, D. A. Schmidt // Institut psichologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psichologiya i psichologiya truda – Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology. 2018. Vol. 3. No. 4. Pp. 74–89.*
6. Muzdybaev K. *Psihologiya zavisti. Psihologicheskij zhurnal* [The psychology of envy]. Psychological Journal. 1997. Vol. 18. No. 6. Pp. 3–12.
7. Pankratova A. A., Kornienko D. S. *Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Dzh. Grossa* [Russian-language adaptation of the ERQ questionnaire (Emotion Regulation Questionnaire) by J. Gross]. *Voprosy psichologii – Questions of psychology. 2017. No. 5. Pp. 139–149.*
8. Rasskazova E. I., Ivanova T. Yu. *Motivatsionnye modeli povedeniya, svyazannogo so zdorov'em: problema "razryva" mezhdru namereniem i dejstviem* [Motivational models of behavior related to health: the problem of the

"gap" between intention and action]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* – Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2015. Vol. 12. No. 1. Pp. 105–130.

9. *Starchenkova E. S. Resursy proaktivnogo sovladayushchego povedeniya* [Resources of proactive coping behavior]. *Vestnik SPbGU* – Herald of St. Petersburg State University. Ser. 12. 2012. Issue 1. Pp. 51–61.

10. *Hromov A. B. Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti : uchebno-metodicheskoe posobie* [The five-factor personality questionnaire: an educational and methodological guide]. Kurgan: Kurgan State University Press. 2000. 23 p.

11. *Abrie J.-C.* 1971. Experimental Study of Group Creativity: Task Representation, Groupe Structure and Performance. *European Journal of Social Psychology*, 1, 3.

12. *Abrie J.-C.* L'artisanat et l'artisanat: analyse du contenu et de la structure d'une représentation sociale. *Bulletin de psychologie*. 1984. No. 366. Pp. 861–875.

13. *Abrie J.-C.* La recherche du noyau central et de la représentation de la zone muette des représentations sociales. In J.-C. Abrie (Dir.), *Méthodes d'étude des représentations sociales*. 2003. Pp. 59–80. Ramonville Saint-Agnes: Ed. Erès.

14. *Bouhon M.* Enseigner l'histoire: un sens à l'épreuve de la «réalité». Dans M.-A. Éthier, D. Lefrançois et J.-F. Cardin (dir.), *Enseigner et apprendre l'histoire : manuels, enseignants et élèves*. 2011. Pp. 179–207. Québec, Québec : Presses de l'Université Laval.

15. *Doise W.* An Experimental Investigation into the Formation of Intergroup Representations. *European Journal of Social Psychology*, 1972. No. 2. 2. Pp. 202–204.

16. *Farr R. M. & Moscovici S.* (Eds.) *Social Representations*, (pp. 3–69). 1984. Moscovici, S. The phenomenon of social representations. In R. M. Farr & S. Moscovici (Eds.). Cambridge, U K: Cambridge University Press.

17. *Flament C. & Rouquette M. L.* Anatomie des idées ordinaires. Comment étudier les représentations sociales. 2003. Paris: Armand Colin. P. 176.

18. *Gaffié B.* Contextes, expressions et dynamique représentationnelle. *Psicologia*. 2004. Vol. 18. No. 1. (Lisboa jan.). DOI: 10.17575/rpsicol.v18i1.418.

19. *Gobin R. L., Freyd J. J.* Betrayal and revictimization: Preliminary findings. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2009. 1 (3). Pp. 242–257.

20. *Jodelet D.* Réflexions sur le traitement de la notion de représentation sociale en psychologie sociale. *Communication – Information*. 1984. 6 (2-3). Pp. 15–42.

21. *Jodelet D.* Représentations sociales: un domaine en expansion. In: D. Jodelet (Ed.), *Les représentations sociales*. 2003. Pp. 45–78.

22. *Jodelet D.* Social Representations: The Beautiful Invention. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2011. Vol. 38 (4). Pp. 411–430. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2008.00383.x.

23. *Lanoix A.* Représentations sociales comparées. Le regard des enseignants et des conseillers pédagogiques sur les finalités de l'enseignement de l'histoire / *Revue des sciences de l'éducation*. 2018. Vol. 44 (2). Pp. 77–102. DOI: 10.7202/1058113ar.

24. *Marquez E., Leon I.* Social representations of work: identity dynamic and psychosocial involvement. *Psicologia & Sociedade*. Vol. 24. No. 2. Belo Horizonte May/Aug. 2012. DOI: 10.1590/S0102-71822012000200022.

25. *Marková I.* Towards an epistemology of social representations. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1996. Vol. 26 (2). Pp. 177–196. DOI: 10.1111/j.1468-5914.1996.tb00528.x.

26. *Moloney G., Hall R. and Walker I.* 2005. Social representations and themata: the construction and functioning of social knowledge about donation and transplantation. *British Journal of Social Psychology*. 2005. Vol. 44 (3). Pp. 415–441. DOI: 10.1348/014466605X42246.

27. *Moscovici S.* La psychanalyse, son image et son publique. 1961. Paris : P.U.F.

28. *Moscovici S.* Notes towards a description of Social Representations. *European Journal of Social Psychology*. 1988. Vol. 18 (3). Pp. 211–250. DOI: 10.1002/ejsp.2420180303.

29. *Rachman S.* Betrayal: a psychological analysis. *Behav.Res.Ther.* 2010 Apr. Vol. 48 (4). Pp. 304–311. DOI: 10.1016/j.brat.2009.12.002. Epub 2009 Dec 24.

30. *Roland-Levy C., Pappalardo Boumelki F. E. & Guillet E.* (2010). Representation of the financial crisis. Effect on social representations of savings and credit. *The Journal of Socio-Economics*. 2010. Vol. 39 (2). Pp. 142–149. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/B6W5H...6341ff358fc2e58f19e2>.

31. *Sacks J. M. & Levy S.* The Sentence Completion Test. In L. E. Abt & L. Bellak (Eds.), *Projective psychology: Clinical approaches to the total personality*. 1950. Pp. 357–402. Alfred A. Knopf. DOI: 10.1037/11452-011.

32. *Seltermann D., Moord A. C., Koleva S.* Moral judgment toward relationship betrayals and those who commit them // *Personal Relationships*. 2018. DOI: 10.1111/pere.12228.

33. *Schwartz Sh. H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2 (1). DOI: 10.9707-0919.1116.

34. *Vergès P.* L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV. No. 45 (405). Pp. 203–209.

35. *Vergès P.* L'analyse des représentations sociales par questionnaires. *Revue française de sociologie*. 2001. Vol. 42 (3). Pp. 537–561. DOI: 10.2307/3323032.

36. *Wagner W.* Can Representations Explain Social Behaviour? A discussion of social representations as rational systems. *Papers on Social Representations Papers on Social Representations – Textes sur les Représentations Sociales*. 1993. (1021-5573). Vol. 2 (3). Pp. 236–249.

37. *Wagner W.* 1998. Social representations and beyond: brute facts, symbolic coping and domesticated worlds. *Culture and Psychology*. Vol. 4 (3). Pp. 297–329. DOI: 10.1177/1354067X9800400302.
38. *Wagner W. & Kronberger N.* Killer Tomatoes! Collective symbolic coping with biotechnology. In K. Deaux & G. Philogene (Eds.), *Representations of the Social – Bridging Theoretical Traditions*. 2001. Oxford: Blackwell.
39. *Wagner W. & Hayes N.* *Everyday Discourse and Common-Sense – The Theory of Social Representation*. 2005. New York : Palgrave Macmillan. DOI: 10.1177/0963662506067629.
40. *Wagner W.* (2015). Representation in action. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, & J. Valsiner (Eds.), *The Cambridge Handbook of Social Representations*. 2015. Pp. 12–28. Cambridge, UK : Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781107323650.004.
41. *Warner W. L.* (Ed.) *Yankee City*. New Haven & London : Yale Univ. Press, 1963. Pp. 35–61.